

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

НАХЧЫВАНСКАЯ ПОЭТЕССА ТЕБРИЗА

Судьба каждого человека складывается по-разному, причем чаще всего вопреки его мечтам и желаниям. Недаром в народе говорят, что человек предполагает, а Бог располагает; то есть человек задумывает, планирует, а судьба вершит на свой лад, никому не ведомыми, ниспосланными свыше задумками. Судьба-добродейка и судьба-злодейка, словно два ангела, исполняют пункт за пунктом выведенный на небесных скрижалях свод божественных предначертаний для каждого создания. Увы, небесный промысел мало считается с желаниями, способностями, стараниями простого смертного, отводя ему небольшую роль подмастерья. Ибо Мастер – Созидатель Он, и вершитель судеб Он! А Человек лишь покорный исполнитель Его воли, максимум – умелый или неумелый корректор своей судьбы...

Среди классических поэтесс Азербайджана Хейран ханум Дунбули занимает особенное место. И творческая, и личная судьба её отличается своей незаурядностью и неповторимостью. **Хейран всей душой любила родной Нахчыванский край и ни минуты не мыслила жизни где-то вдали от него**, всегда искренне восхищалась красотой его природы и прекрасными людьми. Но судьба-злодейка распорядилась по-своему, впрочем, всё по порядку...

Поэтесса родилась в 1785 году в древнем азербайджанском городе Нахчыване в достаточно состоятельной семье, принадлежащей к знатному роду Кенгерли. Ей дали имя Хейран, означающее в переводе с арабского «восхищённая». Начальное образование она получила в родном городе, **в медресе, где наряду с теологическими знаниями преподавался широкий круг светских предметов**. По окончании учёбы Хейран в совершенстве **владела арабским и персидским языками, глубоко изучила поэзию Востока и азербайджанское фольклорное наследие, начала писать лирические стихи**. Юная поэтесса

была всесторонне одарённым человеком, она прекрасно играла на народных музыкальных инструментах сазе, таре и каманче. По счастливому стечению обстоятельств выбор родителей совпал с её сердечной склонностью, и она вышла замуж по любви, за просвещённого молодого человека, к тому же знатока восточной поэзии. При его поддержке Хейран ближе познакомилась с гениальными творениями **Низами, Хагани, Физули, Говси Тебризи, Фирдоуси, Хайяма, Саади, Хафиза** и других поэтов. Ещё более согрет был семейный очаг молодых с рождением пятерых, здоровых детей. Но беда нагрянула, как всегда, неожиданно...

После раздела Азербайджана в 1828 году по Туркманчайскому договору между Российской и Иранской империями, по приказу Фатали шаха (1772 – 1834) его сын, наследный принц

Хейран ханум. Художник Фахраддин Али

Персии Аббас Мирза (1789 – 1833) начал в принудительном порядке переселять население приграничных районов вглубь страны. Среди вынужденных переселенцев оказалась и Хейран ханум со своей семьёй. После долгих скитаний семья поселилась в Тебризе, где поэтесса прожила остаток жизни, вплоть до ухода в мир иной в 1860 году.

Несмотря на то, что Тебриз, один из крупнейших центров азербайджанской культуры, отделяют от Нахчывана менее двухсот километров, он так и остался для Хейран ханум **«глубокой чужбиной»**. Теме разлуки с родной стороной поэтесса посвятила не один десяток превосходных, проникнутых тоской и печалью стихотворений. Родной Нахчыван для неё стал далёкой, недостижимой мечтой на всю жизнь. Она бывала в своем городе неоднократно, но только в своих бесчисленных, полных горести снах. Тем не менее, нужно заметить, что **в этих стихах трепетная любовь к родному краю все же довлеет над печалью**, согревая, успокаивая, сглаживая раненую душу поэтессы и способствуя её исцелению. **Патриотизм Хейран ханум завораживает своей убедительностью**, вызывает неподдельное чувство восхищения, сопереживания и глубокое понимание автора. **Родные и близкие друзья, тебризские простолюдины и знать, словом, все почитатели неиссякаемого таланта Хейран ханум Дунбули** всегда проявляли к её патриотическим чувствам искреннее уважение и доброе понимание. Народ любя прозвал её «наша нахчыванская поэтесса Тебриза».

Хейран ханум сочиняла **по большей части в жанре газелей**, но в совершенстве владела и другими формами восточного стихосложения. Она писала на тюркском и персидском языках. До нас дошли три её рукописных сборника: один хранится в Тегеранском университете, второй в Институте рукописей Академии наук Грузии, а третий – в Институте рукописей им. Физули Национальной академии наук Азербайджана. **Впервые избранные произведения поэтессы были изданы в Тебризе в 1945 году** Обществом ирано-советских культурных связей. В полном объёме произведения Х. Дунбули издавались в Баку в 1951-м, 1961-м, 1981 годах в издательствах «Азербешр» и «Гянджлик».

Главной темой лирики Хейран ханум является **возвышенная любовь. Её возлюбленный недо-**

сягаем, чистота чувств не позволяет её лирическому герою воссоединиться с любимой. В лирике Х. Дунбули воспевается божественная любовь, тут нет места реальной, земной любви, которая фактически вытесняется романтическим пафосом. Немало места занимают в творчестве поэтессы также **философские размышления о смысле любви, жизни и смерти**. Здесь мы встречаем лёгкую грусть, которая иногда переходит в безысходность, но эти чувства не являются характерной чертой для творчества Хейран ханум в целом. Она принадлежит к плеяде романтических поэтов Востока и является достойным продолжателем азербайджанской поэтической школы Мухаммеда Физули – гениального творца, непревзойдённого романтика любовной лирики ✨

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lüğəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967, 1036 s
2. Feyzulla Qasımzadə. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı, «Maarif» nəşriyyatı, 1974, 488 s
3. Мысли и афоризмы. Баку, Азгосиздат, 1982, 248 с
4. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, «Элм», 2005, 453 с
5. Антология поэзии Южного Азербайджана. Баку, «Юрд», 2005, 512 с
6. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, VI cild. IV cild. Bakı, "Elm", 2011, 858 s
7. Послания будущему. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М.Багирова). Москва, «Художественная литература», 2011, 726 с

The article provides brief information about the life and work of the Azerbaijani lyrical poetess of the first half of the 19th century, a representative of the romantic trend in oriental poetry, Heyran khanim Dunbuli.

ГАЗЕЛИ**СУТЬ ЯВЛЕНИЙ**

Мне суть явлений, десять их,
непостижима до конца:
Молитва нечестивых уст,
подарок алчного скупца.

Влюблённых мелочный раздор,
дурнушки чванной хвастовство,
Слепой, что тщится подмигнуть,
трель безголосого певца.

Трус, что посмел повелевать, скупец,
что вздумал пировать,
Подлец, решивший другом стать,
учённость мнимая глупца.

НЕ ПО НРАВУ

Бадахшанский лал, хоть странно, мне,
влюблённой, не по нраву.
И весной устам багряным цвет
бутона цене по нраву.

И тому, кто видел зубы, приоткрытые в улыбке,
Жемчуг, блестящий в ракушке
потаённо – не по нраву.

Созерцавшему воочию лунный
лик своей любимой
Месяц, что сияет ночью в дреме сонной,
не по нраву.

Восхищённому жасмином чёрных
локонов душистых
Базиликов и нарциссов легионы не по нраву.

Кто увидит стройный облик этой
ласковой голубки,
Кипарис, слепой гордыней вознесённый,
не по нраву.

Тем, кто встретится с желанной
на резном её пороге,
Всех властительниц вселенной будут
троны не по нраву.

Зулейха моей шахини лик увидит совершенной
И забудет про Юсифа, станет он ей не по нраву.

Тем, кто рабски подметает пыль дорог
своей богини,

Падишахов и престолы и короны - не по нраву.

Я – Хейран, приют сыскала у твоих ворот,
любимый,
Мне теперь Эдем цветущий, рай зелёный
не по нраву.

ПОСМОТРИ

Как будто вспыхнула луна в небесной сини,
посмотри,
Великий путь вершит она – небес шахиня,
посмотри.

Забилось сердце у меня, услыша милого шаги,
Свиданье чувствуя с тобой, ликую ныне,
посмотри.

Твой собеседник на пиру чернит
бессовестно меня,
На изолгавшегося пса, лихого злыдня, посмотри.

Мучитель сердца моего, словам
хулящим не внимай,
Зла не твори, на небосвод, смилив
гордыню, посмотри.

И на соперницу мою, что стыд и совесть потеряв,
Таится на моём пути змеей в пустыне, посмотри.

Ограблен бедный разум мой, а если
мало для тебя,
На кровь, что из отверстых жил рекою хлынет,
посмотри.

И днём и вечером Хейран напрасно
молит о любви,
Ты на забытое лицо своей рабыни посмотри.

ДИВНЫЙ ЛИК

Атлас рассыпанных кудрей и дивный лик
ему был дан,
Так солнце вешнее сквозит сквозь ранне
утренний туман.

Аллах, как эта бровь темна, каким
огнём полны глаза,
Они то ранящий кинжал, то умоляющий джейран.

Как пламенеет этот рот, а зубы словно жемчуга –
Так блещет бадахшанский лал в ларце из
чужедальних стран.

Как эта родинка сквозит – приманка,
малое зерно,
В тенетах локонов твоих, таящих мускуса дурман.

О, эти кудри до плечей, они клубком
сплетённых змей
Хранят сокровище моё верней,
чем стражи ятаган.

Росинки пота на челе под чёрным
облаком волос,
Как звёзды мелкие, блестят, и лик твой
светом осиян.

Аллаха дивное дитя, ты появленье высших сил,
Пленил цветник моей души твой стройный и
высокий стан.

Перл красноречья твоего способен мёртвых
воскресить,
Оно дыхание Исы, благочестивей, чем Коран.

Мы, возлюбившие тебя, в огне сгораем красоты:
Одна – несчастный мотылёк, другая –
горькая Хейран.

ЭТО СЕРДЦЕ

Боль разлуки, груз печали - всё вмещает
это сердце.
Радость, бывшую вначале, избывает это сердце.

Но свободному так странно окрутить
тебя арканом,
Словно пленник чужестранный, изнывает
это сердце.

Разлучение – мытарство, от разлуки
нет лекарства:
И, не выдержав коварства, погибает это сердце.

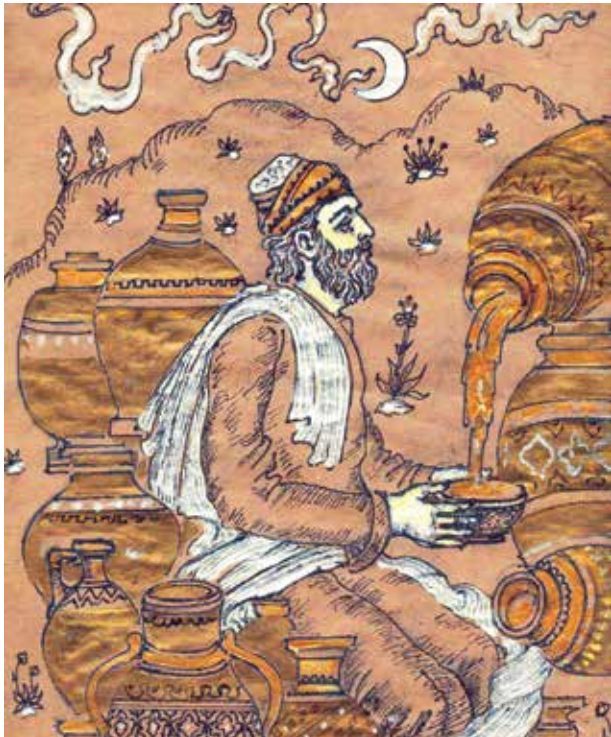
Быть с возлюбленным желало, единения искало,
Но в горах Фархадом стало, там
страдает это сердце.

Нелегко мне, умудрённой, красотою
быть сражённой,
Трудно в жизни разлучённой, – изнывает
это сердце.

О Хейран, ты вся пыланье, непомерно испытанье.
Молот бьёт по наковальне, разбивает это сердце.

Перевод Татьяны Стрешневой

СЕГОДНЯ

Быстрокрылый гонец, доброй вестью
порадуй сегодня,
Переполнено сердце блаженной
отрадой сегодня.

Твой сияющий лик увидав, догадалась я сразу –
Ликовать, пировать, а не плакать мне надо
сегодня.

Видишь, высохли вмиг мне глаза
застилавшие слёзы,
Мне дарована зоркость орлиного
взгляда сегодня.

Ты, – другая, узнай боль обиды и
ревности горечь,
Губы в кровь искусай, злись всю ночь и
досадуй сегодня.

Плачь навзрыд до утра по утраченной милости
друга, –
Быть ей снова моею бесценной
наградой сегодня.
Коль трапезу со мной в этот вечер разделит
любимый, –
Буду петь перед ним и плясать до упаду сегодня.
Право жить и встречать дни за днями Хейран
будет песней,
Ведь сверкнуло мне счастье Эдема
усладой сегодня.

ДАВНО

Нет, хватит!.. Обидами сердце полно...
Я правду скажу: – Ты не муж мне давно.

Что толку возиться с потухшей золой?
Поднёс мне кальян? Дал еду? Дал вино?

Зачем же я небом тебе отдана?
Меня без вины покарало оно!

Меня ты неволишь. Я молча терплю, –
И плачу порой, а порой мне смешно.

Гони меня прочь от жилья своего,
Избавлюсь и я от тебя заодно.

РУБАИ

Нет больше впереди весёлых, светлых дней,
Ведь к двери юности не подберёшь ключей.
Жизнь - словно спущенная с тетивы стрела, –
Вот старость гостьей злой в мой дом уже вошла.

Перевод Владимира Бугаевского

МЕСНЕВИ

НЕТ СПАСЕНИЯ

Рубины уст сильнее тоски – спасёт ли что иное?
Надёжней дружеской руки
твой локон – что иное?
Нет никого, и потому
лишь ветер я пошлю к нему,
Любимому слова любви напомнить – что иное?
Любимый мне принёс печаль –
мне для него любви не жаль,
Хотела б всемогущей быть,
чтоб одному ему служить,
Но лишь молиться за него могу я – что иное?
Кто в нежной страсти так грустил,
кто так в толпе несчастен был?
Мне каждый миг удар несёт,
один Аллах меня спасёт –
бессильно все иное!

Разлука – худшая из ран,
но это бедствие, Хейран,
Одно спасение тебе, так вознеси скорей судьбе
хвалу – ничто иное!

ПОСЕРЕДИНЕ

Где, сердце, ты? В силке волос!
 Как птица – посередине.
 Ни в ад, ни в рай не довелось попасть,
 я – посередине,
 За что удел такой мне дан, от века и поныне?
 Вот мой Китай, вот Бадахшан, а я – посередине.
 Бушует вал, спасенье где ж? Кто я?
 Корабль в пучине?
 Печали подняли мятеж, а я – посередине!
 Хочу воспеть небесный лик,
 но славит локоны язык,
 Вот праведник, вот еретик, а я – посередине.
 Луна, всяк видит, кто не слеп,
 живём мы не в пустыне:
 Зелёный колос, жгучий серп – а чудо посередине!
 Язык печали всех роднит – и дервиш,
 как султан, грустит,
 Меж них различий не ищу, грущу – посередине.
 Любимый стал со мной суров, о, кто нас
 помирить готов,
 Чтоб стал приветлив мой тиран,
 чтоб рядом – он и я, Хейран –
 и мир – посередине?

О ВРАЧ, НАЙДИ СПАСЕНЫЕ

Как сладостны его уста, о, врач, найди спасенье,
 Моя болезнь не так проста, о, врач,
 найди спасенье!
 Где взять для сердца вечный рай?
 Меджлис красавиц собирай, о, врач,
 найди спасенье!

Убила страсть меня! Как друг,
 Вонзи кинжал, избавь от мук!
 Безвыходен печали круг, о, врач, найди спасенье!
 Молю, любое зелье дай,
 но лишь меня не покидай.
 Остерегись идти в мечеть,
 не лучше ль нам играть и петь,
 о, врач, найди спасенье!
 Пусть кто другой, лишившись сна,
 из мухи делает слона,
 Тебе же более под стать хозяином застолья
 стать – о, врач, найди спасенье!
 Всему собранью мудрецов ты Расскажи,
 в конце концов –
 Зачем тебе твой разум дан? Как стонет
 бедная Хейран –
 о, врач, найди спасенье!

МУХАММЕС

УПОДОБИЛА

Утром вышла на луг – и цветок хрустально
 уподобила,
 Я пустыне цветник – о незнаныи скорблю –
 уподобила.
 И любимого ангелам я – потому что люблю –
 уподобила,
 Луку брови твои – о пощаде молю – уподобила,
 И нарциссам глаза – о, за что я терплю? –
 уподобила.
 Моё сердце в слезах, а гуляло в цветах,
 Страсть убита моя, и мой разум – в бегах,
 С кем бы речь не вела, только он – на устах,
 Кудри – роз лепестки – ветер взвевял на миг,
 Побледневшей луне на рассвете твой лик
 уподобила...
 О, Аллах, сколько в мир ты принёс красоты,
 Сделай так, чтобы век нам не знать суеты,
 Как прекрасен твой луг, вдруг увидела я:
 Где любимый ступал, там сияла заря.
 Я любимого стан кипарису не зря уподобила!
 Я скрывала печаль, одиноко брела,
 Но всю вечность молчать я б никак не смогла,
 И раскрыла я тайну, что так берегла,
 Вся в слезах изошла и сгорела дотла,
 Песни, кровь ли из ран – я не знаю! Хейран,
 Соловьиному пенью я стоны свои уподобила!

Перевод Светланы Соложенкиной

*Автор иллюстраций к статье художник
 Фахраддин Али*